

П. А. СОРОКИН

Заветы Достоевского

Гениальный творец «Братьев Карамазовых» и в своих художественных произведениях, и в своем «Дневнике писателя» постоянно касался самых главных, самых трудных общественных вопросов и способов их решения. Он видел, что жизнь людей плохо устроена, что она полна страдания и горя, что нет в ней справедливости, что одни богаты, а другие бедны, что всюду царит злоба, вражда, ненависть и бедствия.

В чем же он видел спасение? Какой путь указывал он, как путь, ведущий к улучшению жизни, к царству правды, к подлинному равенству, братству и свободе?

— Один путь, совершенно ясный и определенный: *путь религиозно-нравственной деятельной любви человека ко всем людям, ко всему живому, ко всему миру, любви безусловной и постоянной*. Только на этом пути возможно спасение, все другие пути — пути ложные, — говорит он. Эту мысль он неустанно доказывает и в своем «Дневнике», и устами своих положительных героев: князя Мышкина в «Идиоте» и особенно устами старца Зосимы в «Братьях Карамазовых».

«Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание Божие, каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения. Будешь любить каждую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. И полюбишь наконец весь мир всецелою и всемирною любовью».

Такая любовь должна осуществляться человеком постоянно, безусловно, по отношению ко всем людям, не исключая и врагов. «На всяк день и час, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтоб образ твой был благолепен... Вот ты прошел мимо малого ребенка, злобный, со скверным словом, с гневливой душой; ты и не приметил, может, ребенка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный

и нечестивый, может, в его беззащитном сердечке остался. Братья, любовь учительница, но нужно уметь ее приобрести, ибо она трудно приобретается, дорого покупается, долгой работой и через долгий срок, ибо не на мгновение лишь случайное надо любить, а на весь срок. А случайно-то и всяк полюбить может, и злодей полюбит». «Делай неустанно... Верь до конца» — такова основная заповедь Зосимы — Достоевского. В соблюдении этой заповеди видел он единственное средство улучшения жизни людей и решения общественных вопросов. Ту же мысль высказывает он и от своего имени в «Дневнике писателя». «Единственный способ решения общественных вопросов и неурядиц», говорит он, заключается в «*деятельной любви*», в «решимости вашей делать все ради деятельной любви, все, что возможно вам, что сами искренно признаете для себя возможным». «Надо делать только то, что (в духе этого завета) велит сердце: велит отдать имение — отдайте, велит идти работать на всех — идите, если чувствуете, что будете полезны всем как ученый, идите в университет и оставьте себе на то средства... Не раздача имения обязательна и не надевание зипуна: все это лишь буква и формальность, ибо всякая непоколебимость в деле любви похожа будет на мундир, на рубрику, на букву. Обязательна и важна лишь решимость ваша делать все ради деятельной любви».

Таков главный завет Достоевского.

Если люди проникнутся им и будут исполнять его — тогда все просто решится, тогда не будет горя и нужды, рабов и господ, тогда возможны подлинная свобода, равенство и братство; тогда будет «всяческая и во всех Христос».

Почему? Потому, отвечает Достоевский, что *подлинная свобода* состоит не в разнузданности, как полагают теперь, а «лишь в одолении себя и воли своей, чтоб всегда самому себе быть настоящим хозяином». Свобода — не в богатстве и не в деньгах, а в том, «чтобы пойти всем служить. Если способен на то человек, а деятельно любящий способен на это, — то он ли после того не свободен». *Будет тогда и равенство*. «В нынешнем мире равенство это ревнивое наблюдение друг за другом, чванство и зависть: “он умен, он Шекспир, он тщеславится талантом; унижить его, истребить его”. Между тем настоящее равенство говорит: “Какое мне дело, что ты талантливее, умнее, красивее меня? напротив, я этому радуюсь, потому что люблю тебя. Но хоть я и ничтожнее тебя, но, как человек, я уважаю себя, и ты знаешь это, и сам уважаешь меня, а твоим уважением я счастлив”». «Если так будут говорить все люди, то уж, конечно, они станут и братьями, не из одной только экономической выгоды, а от полноты радостной жизни, от полноты любви». «*Были бы братья — будет и братство*». «*Тогда и богатство будет расти в самом деле, и богатство настоящее*, потому что оно

не в золотых платьях заключается (и не в разделе всех богатств мира, ибо “разделенные на всех все богатства мира сего были бы лишь каплей в море”), а в радости общего соединения и в твердой надежде каждого на всеобщую помощь в несчастьи ему и детям его». «И не говорите, — продолжает великий писатель, — что вы лишь слабая единица и что один ничего не сделаете и не поправите. Напротив, если даже несколько будет таких, как вы, так и тогда двинется дело».

Только такое общество, состоящее из таких людей, и может быть крепким единением людей. Только народ, в основе которого лежит такая идея, может быть сильным, здоровым и великим народом. Если же этот завет забыт им, если в основу его жизни и устройства положена только идея «спасения животишек», идея простой выгоды хотя бы за счет своего ближнего — конец такому народу и обществу: они погибнут.

Рядом с этим заветом — заповедал он и другой, с ним связанный. Деятельная любовь — заповедь Христа, заповедь не только нравственная, но и религиозная: без религии не может быть нравственности, а без нравственной идеи — великого народа. Тогда останется только «спасение животишек», только формула: «каждый за себя, а один Бог за всех». «С такой формулой никакой народ долго не проживет». Поэтому Достоевский говорит: *«Отцы и учителя, берегите веру народа... Россию спасет Господь, как спасал уже много раз. И не мечта сие... Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты, он никогда (пока верит) — в правде не ошибется»*. Пока есть вера — народ будет жив и сохранит свое лицо. Исчезнет вера — может прийти конец.

Таковы заветы великого русского писателя русскому народу.

Указывая на этот путь спасения, Достоевский вместе с этим предостерегал от других путей, от пути *«католического»* и *«протестантского»*.

Под *«католической»* идеей он разумел *мораль насилия: принудительного спасения людей и деспотического водворения рая на земле*.

Под *«протестантской»* идеей — *мораль голого бунта ради бунта, заповедь чистого разрушения и протеста во имя разрушения*. Обе эти заповеди друг с другом связаны, говорил он. Вторая вызвана деспотизмом и насилием первой, ею питается и обречена на исчезновение, как только исчезнет «католическая» идея.

Обе эти идеи — весьма старые. «Католическая» мораль идет еще от Древнего Рима; от него перешла в католичество, а от последнего взята революционерами и социалистами. И Древний Рим, и католичество, и социализм, по Достоевскому, верили и верят, что *«спасение людей, улучшение их жизни, разрешение общественных вопросов может быть достигнуто простой силой, кровавой борьбой, применением*

насилия и принуждения». Не к единению, а к вражде, к смертельному бою призывали и призывают они. При решении споров между классами они «устраняют нравственную постановку вопроса» и всецело полагаются только на одну силу. Вместо нравственного улучшения людей они верят, что стоит путем насилия изменить законы и общественные учреждения, как «все само собою устроится», исчезнет несправедливость, и водворится на земле рай. «Предводители пролетария прямо хотят задать битву и уверены в победе», а там, после победы, все само собой устроится, хотя очень может быть, что после рек пролитой крови. Они не считают их, буржуазию, способными стать братьями народу, а потому-то идут на них силой, из братства их исключают вовсе: «братство-де потом образуется из пролетариев, а вы — вы сто миллионов обреченных к истреблению голов, и только. С вами покончено для счастья человечества». В ответ на это и буржуазия «решила не уступать и также готовится к битве». Обе стороны, следуя завету «католической идеи», полагаются только на силу, верят только в спасительность борьбы.

Такова заповедь спасения, проповедуемая католическо-социалистической идеей.

В эту идею теперь верят, говорил Достоевский, на этом пути надеется найти спасение большинство людей.

Но, добавлял он, эта вера не спасет. Она обманет, ибо *этот путь ложен*. Насилием нельзя спасти людей. Принуждением нельзя уничтожить неправды. Голая сила никогда не создаст: ни братства, ни свободы, ни равенства.

«Та и другая стороны (буржуазия и пролетариат) страшно неправы, и та, и другая погибнут во грехах своих... Единственно возможное решение вопроса — есть постановка нравственная, т.е. христианская. Рано ли, поздно ли, после рек крови и ста миллионов голов должны будут признать ее, ибо в ней только одной и исход».

Эту мысль он доказывает почти во всех своих художественных произведениях. Она гениально проведена им в его удивительной легенде о «Великом инквизиторе», в «Братьях Карамазовых».

В бытовых формах она выражена им в его «Бесах». Там, где пытаются найти спасение в голом насилии, где нет любви и свободы, религии и нравственности, там ничего, кроме крови, убийств и преступлений, получить не может — такова основная идея этого романа. Здесь перед вами фигурируют либералы, социалисты, революционеры, верящие не в завет любви, а в голую силу, ложь и обман, готовые «во имя счастья человечества отрубить миллионы голов»; что же получается из их «спасания» и «высоких слов» на деле? — Один кошмар: ряд ужасов, убийств, самоубийств, поджогов и других преступлений. И только.

Ту же мысль проводит гениальный художник и в «Преступлении и наказании». Убийство кого бы то ни было, даже ростовщика и грабителя, во имя какой бы то ни было идеи и цели, вплоть до самой высокой, не дозволено; ни на йоту не увеличивает счастья человечества, ни на атом не уменьшает море человеческого горя и нужды, ни на шаг не приближает к лучшей жизни — таков вывод из романа.

На пути насилия и вражды — нет спасения, говорит всем этим Достоевский. И богачи, и бедняки, и все верящие в спасительность насилия «погибнут во грехах». «Вместо вина упьются кровью». «И проклят будет гнев их, ибо жесток».

Без любви, без нравственного совершенствования людей не спасет и перемена общественного строя, изменение законов и учреждений.

Напишите какие угодно конституции, пересадите какие угодно учреждения, но раз люди безнравственны, раз в них и их поступках нет нравственной идеи любви, то никакого улучшения быть не может. «Что толку поставить учреждение и написать на нем: *Liberté, Egalité, Fraternité* (свобода, равенство, братство)? Ровно никакого толку, так что придется — необходимо, неминуемо придется — присоединить к трем словечкам четвертое: «*ou la mort*» (или смерть), «*fraternité ou la mort*» (братство или смерть) — и пойдут братья откалывать головы братьям, чтобы получить чрез насилие и «гражданское учреждение» братство. Не будет в этом случае ни свободы, ни равенства. Вместо свободы получается только «у богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных — зависть и убийство». Вместо равенства царство эксплуатации, угнетения, ненависти и злобы; вместо братства — взаимное поедание. Без духа любви общество может быть построено только на «спасении животишек», каковы бы ни были учреждения и какие бы вывески на них ни значились. «Но “спасение животишек” есть самая бессильная и последняя идея из всех идей, единящих человечество». Это уже начало конца. Это будет не здоровое общество, а «муравейник без церкви и без Христа, с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим все общее и абсолютное», как современная Европа. В этом случае неизбежно «наступит нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все гражданские теории, богатства, банки — все это рухнет в один миг и бесследно. Все это “близко, при дверях”. Вы смеетесь? Блаженны смеющиеся!»

«Смирись, гордый человек!» Оставь свой ложный путь, обратись на путь великой любви и любовного единения, иначе погибнешь! — пророчески восклицал он. Вне любви не только не может быть спасения, но не может быть и *никаких истинных спасателей и освободителей*. Если только сам освободитель не проникся всецело заветом любви на деле, в своих поступках и поведении, то какими бы высокими

словами он ни прикрывался, какую бы великодушную пыль ни пускал в глаза, — такой человек будет лже-пророком, мнимым освободителем, вожакom, ведущим к гибели, фальшивомонетчиком, сеющим семена преступлений и зла, великим тираном, а не благодетелем человечества.

Таким людям народ нужен только для осуществления их собственных appetитов. Если же он становится поперек их дороги, они отвечают: «Так уничтожить народ». Среди таких «коноводов есть много интриганов», еще больше лицемеров и эгоистов вроде Ракитиных, наконец, немало и прямых преступников и злодеев, подобных героям «Бесов»: Верховенских, Ставрогиных, Лямшиных, Липутиных, Шигалевых и т. д., все здание своего идеала строящих на крови и особенно крови невинной, ибо «кровь-то, пролитая невинно, склеивает участников», совершающих одно преступление за другим, громоздящих один кошмар на другой.

Немало подобных лицемеров и эгоистов, говорит Достоевский, было и среди русских «борцов за свободу». Многие из них говорили высокие слова и болели гражданской скорбью, а на деле «русские скорбящие скитальцы бывали иногда большими плутами». Их гражданская скорбь отлично уживалась с «питанием оброком с тех же крестьян, да еще как питалось-то». «Кто мешал им освободить хоть своих крестьян с землей и снять, таким образом, гражданскую скорбь дяковщине — неизбежному детищу богоборца Ивана Карамазова, т. е. опять-таки к злу, убийству и преступлению.

«Смирись, гордый человек!» Пойми, что все твои легкие и гордые пути — пути нечестивые, пути гибельные, пути бесплодные. Неправды они не уничтожат, к раю на земле не приведут, страданий не уменьшат. Есть только один путь спасения — путь трудный, но единственно надежный и верный. Это путь религиозно-нравственной, деятельной любви. Вне его — нет выхода.

Такова вкратце мораль Достоевского и путь спасения человечества, указываемый им.

